

DREAM GIRL

сборник рассказов

Ли Лонли

18+

Ли Лонли
Dream girl

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лонли Л.

Dream girl / Л. Лонли — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В мире, где нет правых и виноватых, где стерты границы между сном и явью, где опасность подстерегает за ближайшим углом, каждый ищет свое счастье и по-своему его понимает. Но что, если цена счастья окажется слишком высока?

© Лонли Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Зеркало	5
Легко ли быть Ангелом?	9
Интервью с ведьмой	12
Рукописи не горят	15
Каждый сам выбирает чему верить	17
Луна была не круглая	20
Прогулка в раю	22
Когда уходит вдохновение	25
Вечная мерзлота	28
Не дружите с бешеной собакой	29
Оборотни среди нас	32
Вселенское одиночество	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Зеркало

Если долго смотреться в зеркало, оно может забрать твою душу. Кто же ей это сказал? Сейчас, проходя мимо стоящего на полу зеркала в местах разорванной обёрточной бумаге, Алиса на мгновение остановилась, посмотрела на холодную гладкую поверхность и пожала плечами. Какая чушь! Она отвернулась и пошла по коридору дальше. Изображение в зеркале задержалось на секунду дольше оригинала и исчезло, оставив после себя чеширскую насмешливую ухмылку, которая через мгновение тоже растаяла без следа...

Может забрать душу? Когда Алиса впервые услышала об этом, она только нервно улыбнулась. "Да я и в зеркало-то смотрю только когда вдруг случайно натякаюсь на него, – сказала она тогда. – Вроде зеркала в ванной комнате прямо над раковиной, в которое невозможно не взглянуть, когда умываешься, хоть краем глаза...". Значит, бояться нечего. Совершенно нечего.

Алиса сидела на кухне в полной темноте и по своему обыкновению пила вторую чашку крепкого кофе подряд. Впрочем, темнота не была полной – в окно светила абсолютно круглая луна во всей своей красе. Снова круглая. И вот что странно – девушке не было видно ни одной звезды, хотя небо было чистым. Ни звезды, ни облачка. Только огромная круглая луна – казалось, она занимает собой всё небо... Бывает такое иногда – суперлуние, так это, кажется, называется?

Алиса снова вспомнила о зеркале. В коридоре оно было одно – большое, пока не прибитое. Подаренное неизвестно кем в её день рождения полгода назад – разве разберёшь в такой толпе, кто его притащил? К тому же было столько незнакомых людей... Особенно эта дама, которую притащил Грэг... Вспомнив о ней, Алиса усмехнулась. Надо же было так вырядиться! Хотя это ведь был Хэллоуин, и все были одеты в бесовские лохмотья и ведьмовские остроконечные шляпы, но в незнакомке было что-то ещё... Алиса вздрогнула: вот что в ней было не так! Девушка поняла это только сейчас: незнакомка в отличие от всех молчала. За весь вечер и всю ночь не проронила ни слова, только загадочно улыбалась. Но улыбка её была какая-то... недобрая, что ли...

Интересно, зеркало подарила она? С какой радости такой дорожкой подарок, ведь они почти незнакомы? Алиса вышла в коридор и полностью развернула зеркало, срывая обёрточную бумагу клочками и бросая их прямо на пол. Зеркало обрамляла тяжёлая, вычурная старинная рама непроницаемо чёрного цвета. Девушка перетащила зеркало в комнату, поставила на кровать, прислонив к стене, и присела рядом, поджав ноги. Всё-таки лунного света не хватает – в комнате темно. Алиса встала, щёлкнула выключателем... Лампочка взорвалась и разлетелась на мелкие кусочки. Н-да, бывает и такое... Пришлось зажечь свечу, отчего в комнате стало совсем мутно и жутко. Огромные нереальные тени, казалось, совсем не повторяли очертаний находящихся вокруг реальных предметов. В комнате повисло напряжение. В надежде расслабиться Алиса включила спокойную тихую музыку, но через секунду в квартире вырубилось электричество. Девушка вздохнула, взяла телефон и снова залезла с ногами на кровать напротив зеркала.

– Алиса, чёрт. Я, конечно, рад тебя слышать, детка, но ты знаешь ли, сколько времени? – голос в трубке был сонным и хриплым.

– Прости, Грэг. Мне правда жаль. Я как-то не подумала...

– Нет, я серьёзно: сколько времени? ... Хотя забей. Правда. Всё в порядке. Пойду хоть кофе сварю, взбодрюсь немного... голова как будто ватная. А тебе чё не спится-то?

– Да я наткнулась на зеркало в коридоре... то есть натыкаюсь-то я на него каждый день, но только сейчас развернула. Такое, помнишь, большое – мне его на день рождения подарили?

– Честно говоря, не помню. А должен?

– Жаль... я думала, ты знаешь, кто его притащил. Оно такое странное, похожее на старинное. И какое-то зловещее. Хотя, наверно, это потому, что у меня снова нет электричества и в комнате только свеча горит... тут что угодно будет зловещим. Да ещё и это чёртово полнолуние...

В трубке послышался смешок.

– Милая, не только полнолуние. Сегодня саббат, ведьмовская ночь.

Упоминание о главном шабаше почему-то мурашками пробежало по спине Алисы. Ей сразу стало страшно – страшнее, чем до сих пор.

– Детка, ты меня слышишь или уже улетела в трубу?

– Да ну тебя к чёрту, Грэг, с твоими дурацкими шуточками! Никуда я не лечу и не летала никогда. Понял?

В ярости бросила трубку, но любопытство оказалось сильнее. Алиса сделала глубокий вдох и снова набрала номер приятеля.

– Раз уж ты всё равно не спишь... Грэг, скажи мне, ты помнишь ту девушку, которую привёл ко мне на вечеринку?

– Алиса, детка. Если ты не в курсе – хотя я, помнится, ставил тебя в известность, и даже не один раз – вообще-то я без ума от тебя. И ни за что на свете не пришёл бы на твой праздник с другой девушкой. Слышишь? ...Алло, ты ещё там?

Алиса снова бросила трубку. Теперь уже перезванивать смысла не было. Значит, не Грэг... А у всех остальных она спросила раньше. Никто даже не помнил, что молчаливая девушка вообще была на ночном торжестве. Слово, кроме самой Алисы, никто её и не видел. А может, они все сговорились?

Отражение в зеркале нервно вздрогнуло.

О зеркале тоже никто не помнил. Кто же его всё-таки притащил? Она, таинственная незнакомка? ...А страшно вообще-то, когда ночь, круглая луна, саббат, зеркало и свечи... Алиса снова взяла трубку, но в ней не было больше ни одного гудка. Вот так всегда. Если уж что-то случается, то всё одновременно. Ни электричества, ни телефона. Вздохнув, Алиса встала, зажгла ещё несколько свечей, чтобы стало хоть немного светлее, и снова села напротив зеркала. Правда ли, что зеркало может украсть душу?

В приоткрытое окно влетел свежий ветерок, и тени задрожали. Правда ли, что зеркало... мысль остановилась в голове, недосказанная внутренним голосом – Алисе вдруг показалось, что отражение кивнуло ей и зловеще улыбнулось, хотя она могла поклясться, что не кивала самой себе, и уж тем более в её арсенале не было такой жуткой улыбки.

Девушка продолжала молча сидеть, всё пристальнее вглядываясь в холодное стекло. Это же надо было додуматься до такой рамы... слишком тяжёлая, слишком вычурная, ...слишком чёрная? Похоже, какой-то средневековый мастер сошёл с ума. А может, это зеркало было сделано специально для каких-нибудь колдовских ритуалов? Они ведь любят всякие такие вещи... От этой мысли Алисе стало уже совсем плохо, и она решила не забивать себе голову потусторонней чушью. В конце концов, XXI век на дворе! Кого волнуют ведьмы и шабаши? Но оторвать взгляд от зеркала девушка уже не могла...

...Свечи, догорая, гасли одна за другой, Алиса продолжала сидеть и смотреть в зеркало. Время близилось к рассвету. Круглая луна за окном стала заметно меньше и побледнела...

Вот уже остался только один догорающий огрызок свечи. В комнате темно так, как бывает перед самым рассветом – вроде ещё темно, но в этой темноте уже можно что-то различить... Отражение стало ярче и привлекательнее – или это только кажется? Алиса всё пристальнее вглядывалась в него, пытаясь понять: правда ли, что зеркало может украсть душу? Зачем ему вообще нужна чья-то душа? Или нужна именно её душа? ...И кто всё-таки притащил ей это проклятое зеркало?

Отражение уже, совершенно не стесняясь, наблюдало за девушкой в комнате, улыбаясь в полную силу, и в какой-то момент снова нахально подмигнуло. Алиса молча наблюдала в ответ. Ей уже не было страшно – наоборот, было неожиданно спокойно и комфортно – даже ноги не затекли, несмотря на то что Алиса всю ночь просидела, не меняя положения тела. Всё происходит как будто с кем-то другим, не с ней – а она просто смотрит нудное кино, которое по какой-то причине не может выключить. За окном начинало светать. Отражение девушки становилось всё ярче и ярче... Алисе было уже всё равно. У неё больше не было ни мыслей, ни чувств, ни эмоций...

...Полицию вызвал Грэг. Они договаривались всей компанией собраться на рассвете и уехать на море отмечать майские праздники и его день рождения. За Алисой заехали на машине, сигналили-сигналили, но девушка так и не вышла к подъезду, а её телефон был отключен ещё ночью. Грэг поднялся в её квартиру (у него был собственный ключ с тех времён, когда они были вместе и он, наивный, надеялся, что это надолго, если не навсегда), вошёл в комнату и – увидел её.

Алиса лежала неподвижно на полу и не дышала. В распахнутое окно рвался свежий ветер, по комнате летали разбросанные сквозняком обрывки обёрточной бумаги, а рядом красовалось зеркало в старинной тяжёлой раме.

Пока Грэг звонил в полицию, в квартиру поднялась его троюродная сестра. Лениво переступив через тело Алисы, словно не замечая, что делает, она подошла к зеркалу, опустилась рядом с ним на колени и нежно погладила длинными белоснежными пальцами с кроваво-красными ногтями непроницаемо чёрную раму.

– А странно, что она развернула мой подарок только вчера, да? Столько времени прошло... Как думаешь, я могу забрать это зеркало обратно себе? Всё-таки семейная реликвия...

Страшная догадка вдруг пронзила сознание Грэга. Он словно очнулся ото сна и только сейчас понял, что никакой троюродной сестры у него отродясь не было. Девушка перед ним как две капли воды похожа на его прабабушку, которую он видел однажды в детстве и навсегда запомнил этот сверлящий, пугающий взгляд. Прабабушкин портрет до сих пор висел в квартире его родителей и всегда, сколько Грэг себя помнил, пугал его до чёртиков – настолько, что он по сей день ускорял шаг, проходя мимо. Напротив портрета и висело то самое зеркало, которое сейчас находилось в комнате Алисы и, видимо – в это разум Грэга верить отказывался – стало причиной её смерти. Не удивительно, что парень забыл об этом злосчастном зеркале – в ужасе пробегая мимо портрета покойной прабабки он каждый раз пробегал и мимо зеркала, никогда не фокусируясь на нём, чтобы лишний раз не видеть за спиной сверлящего взгляда.

Грэг посмотрел на девушку, которую по какой-то непонятной ему причине до сих пор считал своей сестрой. Та спокойно улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Время остановилось.

...Приехавшие на место происшествия полицейские нашли в квартире бездыханное тело молодой девушки, а под её окном – мужское тело. Ещё тёплое.

Ничего интересного. Бытовое убийство-самоубийство на почве ревности. Дело закрыто.

февраль 2008г.

Легко ли быть Ангелом?

Вы хотите знать, легко ли быть ангелом... Я не просто так намекнула вам, что мне известен правильный ответ. Я действительно знаю, о чём говорю... Прошу вас, проходите. Здесь достаточно места для всех – надеюсь, вам понравятся мои любимые низкие диваны.

Эта комната – его комната – как никакая другая, располагает к откровенности. А может быть, вы просто застали меня в моём самом благодушном расположении духа? Здесь, в его кресле, пока он спит, мне уютно и комфортно... Проходите, располагайтесь. Он устал от своих бесконечных трудов, и не проснётся до рассвета, пока я буду развлекать вас беседой.

Оглянитесь по сторонам. Да, я согласна... В комнате царит полный беспорядок, но такой, творческий беспорядок... Первое, что бросается в глаза – единственная картина, висящая на стене, потому что основное освещение в комнате сосредоточено на ней. Она поистине великолепна. На тигровом покрывале (да, на том самом, которым сейчас укрывается он) лежит обнажённая женщина. Она совершенна – это признают все, кто видел картину хоть однажды. В лучших ренессансных традициях у женщины длинные рыжие волосы, переливающиеся в лучах заходящего солнца, которое светило тогда в окно художника. У неё необыкновенного цвета глаза и удивительно красивая фигура. Как ни странно, в картине нет ни малейшего намёка на пошлость. От неё невозможно отвести взгляд... Вы бы удивились, если бы узнали, что эту женщину художник так и не встретил в своей жизни. Как он сам говорит, она пришла из его лучших снов...

Ладно, отвлекитесь на секунду от картины и посмотрите вокруг. В углу стоят, опираясь на стену, две гитары, прямо на полу забытый включенным компьютер, рядом недопитая чашка крепко сваренного кофе – уже сильно остывшего, конечно. Удачно вписывается в обстановку поставленный посередине комнаты мольберт с недописанной картиной, ещё несколько картин разной степени завершенности стоят прямо на полу, опираясь на стену, и тут же, на полу, цветастая палитра, краски, кисти... Я очень люблю эту комнату – здесь всё дышит им, его творчеством... По сути, это студия. Студия талантливого художника и музыканта, в которой он проводит дни и зачастую ночи. Не знаю, правда, насколько уютно чувствует себя его жена, когда ночует в соседней комнате одна, но это уже её проблема, да? Впрочем, он уделяет ей достаточно много времени... Да и вообще это не моё дело. Моя главная забота – он. Потому что я – его ангел-хранитель, и моя святая обязанность – следить, чтобы ему было хорошо.

Вот сейчас – мне кажется или вы насмешливо ухмыльнулись? Вижу, вы не вполне понимаете, в чём заключается моя роль. Вы, люди, хоть и верите в нас, воспринимаете нашу функцию как-то однобоко. Вам кажется, что мы должны спасать вас от любой досаждающей мелочи, вы раздражаетесь, когда что-то идёт не так... Я часто слышу от людей, когда с вами что-то случается: мол, ангел-хранитель в этот момент смотрел в другую сторону... Чёрт возьми, может, и смотрел! Потому что с другой стороны вас ожидало гораздо большее зло, чем то, которому вы в итоге подверглись... Но вы об этом так и не узнаете – кто же вам скажет? Ангел ведь не придёт просто так и не заявит: мол, прости, чувак, что ты чуть не попал под машину и сильно вывихнул ногу. Просто ты не видел, что в автобус, на который ты так спешил, через десять минут врезался грузовик, и в живых не осталось никого. Да и в этом случае, скажем прямо, ещё не известно, что хуже на самом деле... Мы ведь не боги. Мы всего лишь ангелы, а это значит, что мы не намного совершеннее вас.

Да, мы приставлены за вами присматривать, но конечная цель вашего существования нам не известна. К тому же – и это очень сильно усложняет нашу задачу – вы наделены способностью выбора. Да, конечно, те из вас, кто верит в судьбу, правы. Судьба есть. То есть в какой-то степени, потому что она не зафиксирована жёстко. И это порой делает нашу работу почти невыполнимой... К примеру, мой человек сегодня вдруг ни с того ни с сего решил поехать на машине к морю. Вот прямо сейчас – взять семью, быстро собрать какие-то вещи и тронуться в путь. Вы думаете, легко просчитать все параллельные маршруты и увести его от беды? Сидеть рядом и следить – чтобы не заснул, не свернул с дороги. Чтобы не впал в суицидальное настроение, не поддался дорожному трансу... Слушать, между прочим, тупые песни по радио. Терпеть занудную болтовню его жены (не дай боже, попросится сама повести машину). Сходить с ума от возни их малышни на заднем сиденье. И, между прочим, спорить с другими ангелами (знаете, я физически не могу одна следить за всей семьёй – для этого пришлось бы разорваться на несколько частей) по поводу каждого поворота... А потом снова жалобы – пробки, закрытые трассы, дождь, заставивший ждать пару часов на обочине... В общем, это долгая история. Да и вы вряд ли поймёте в полной мере все мои сложности. Впрочем, это вам и не нужно. У каждого свой Путь и каждый должен делать свою работу...

Вы всё ещё смотрите на картину... Она удивительна, правда? Не хочу больше, не могу жаловаться на свою судьбу здесь и сейчас, когда вы находитесь под таким впечатлением от этого полотна...

На самом деле я вовсе и не жалею, что вы! ...И потом: моя работа всё же лучше, чем у моих коллег в аду. Воплощать в реальность самые ужасные кошмары грешных душ – что может быть страшнее? (Кстати, мой вам совет – не будьте слишком изобретательны, представляя себе, какой должна быть расплата за ваши грехи. Да и вообще подумайте над тем, действительно ли вы настолько виноваты, как вам кажется). Хотя мысль о смене работы приходила в мою голову в прошлой жизни, когда пришлось быть хранителем продажного полицейского. Уж простите, но в таком случае лучше работать в аду... Когда я узнала, что мой маленький подопечный растёт продажным копом (а мы можем только усилить ваши природные таланты, но никак не влиять на их направленность), я собиралась написать заявление о переводе. Но, во-первых, заменить меня было некем, а охранять человека всё-таки надо (каким бы он ни был), а во-вторых, мне клятвенно обещали, что в следующей (то есть в этой) жизни мне дадут хиппи...

Ужас, что мне пришлось пережить с этим продажным... и вы даже не представляете себе, как силён был мой соблазн... Впрочем, нет – об этом вам знать точно не стоит.

Итак... ночь подходит к концу, скоро рассвет... Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы слушать мою болтовню обо всём на свете, а потому что я обещала рассказать, легко ли быть ангелом-хранителем. Вы всё ещё любуетесь картиной... Наверняка пропустили мимо ушей всё, о чём я говорила. Но вряд ли вас можно за это винить...

В общем, если вы действительно хотите знать, легко ли быть ангелом, вы обратились по адресу. И главное вовремя. Потому что сейчас я со спокойной душой могу вам сказать: легко.

Я люблю ездить на байке со своим хиппи на бешеной скорости. Мне нравится слушать музыку, которую он любит. Нравится музыка, которую он играет, и музыка, которую он пишет. И мне на самом деле нравятся его картины. Он талантливый, мой хиппи – мне есть, чем гордиться. Другие ангелы мне завидуют. С ним я могу реализовать все свои хулиганские замашки. А когда меня в прошлый раз вызвали в Небесную Канцелярию для объявления очередного строгого выговора, вместо этого наградили моего подопечного дополнительными десятилетиями счастливой жизни – за весомый вклад в историю человечества.

Да-да, за тот самый портрет, на который вы сейчас смотрите... А если вы так и не поняли, в чём заключалось моё хулиганство, посмотрите на портрет ещё раз, чуть повнимательнее. Угадайте, кто позировал ему в тот момент, когда он был уверен, что воображает себе прекраснейшую женщину на Земле?

февраль 2008г.

Интервью с ведьмой

Понедельник – день сенсаций.

Ведьмы – крайне неразговорчивые создания. Некоторым лучше вообще не попадаться на глаза. Мне повезло – одна из них увидела во мне что-то... Не знаю, что – это ведомо лишь ей одной. Но вообще я умею располагать к себе людей – работа такая. Я журналистка, и не привыкла сдаваться просто так. Если учуяла тему, буду копать до конца... Кстати, вы не поверите: сенсация сама пришла ко мне в руки. Настоящая, живая ведьма первая нашла меня и предложила взять у неё интервью. Отныне не верю, что понедельник – «день тяжёлый»: сегодня мне повезло... Договорились встретиться в полночь, в четверг, 12-го числа. Я тоже подумала, что смешнее – в пятницу, 13-го, но в пятницу полнолуние, а значит, она будет занята...

Вторник.

Главный в восторге. По-отечески обнял, стал советовать, как вести интервью, какие вопросы задавать. Я только улыбнулась... Ты же знал, кого берёшь на работу. Разве я подвела тебя хоть однажды?

Коллеги соревновались в остроумии. Дэн рекомендовал подушиться святой водой, Эльза предложила взять её крестик (ага, щазз!), а Зараза-Джо пошёл дальше всех – совершенно серьёзным тоном настоятельно посоветовал наесться чеснока... Сам и ешь свой чеснок, я его на дух не переношу. И вообще, отвалите. Я не боюсь её. Это просто моя работа – сделать так, чтобы боялись все остальные. Конечно, нет. Серьёзно не боюсь. Ну всё, я побежала. Надо ещё поговорить с соседями.

Среда. Предварительный опрос.

Это было легко – её соседки-пенсионерки, похоже, давно ни с кем не говорили, так что заговорили сразу все – с удовольствием и перебивая друг друга.

– Что ты, внученька! И близко не подходи к ней. Она ведьма, все это знают.

– Она крадёт здоровье. Если проходишь мимо неё, ни в коем случае не позволяй ей дотронуться до себя.

– И вообще не разговаривай с ней.

– Она уже очень старая, но не может умереть, пока не найдёт ученика, которому передаст всё, что знает.

– Не слушай никого, дочка. Это просто одинокая старуха, до которой никому нет дела. Но всё-таки к ней не лезь...

В общем, это всё было довольно малоинформативно, и я даже подумала, что только зря потратила время. Ладно, надо хоть выспаться. Завтра спать точно не смогу...

Четверг.

Проснулась на рассвете с дурацкой мыслью "а вдруг этот рассвет – последний?". Конечно, всё это чушь. Солнце встанет и завтра, и послезавтра, и даже через год. Да и я пока умирать не собираюсь... Впрочем, солнце быстро развеяло эту ерунду. Я с удовольствием выпила большую чашку крепкого кофе, предвкушая сенсацию. Ой, какая это будет сенсация..!

Вечер.

Какая-то тревожная погода сегодня. Небо заволакивает тучами и начинается мелкий моросящий дождь. Но меня нельзя остановить. Это ведь моя работа, я договорилась, я должна... Как назло, страшно разболелась голова...

Полночь.

Иду к ней. Кстати, дурацкое имя – Магда. Интересно, кто её так назвал... Она одета в тёмное платье и тёмный платок – освещение слабое, цвет не разобрать. Провела меня на кухню... Я хотела спросить: "Эй, откуда вы знаете, что я люблю заварной кофе?", но она с таким грохотом поставила передо мной чашку на блюде, что я вздрогнула и решила промолчать. Взяла чашку, сделала первый глоток. До сих пор мы не сказали ни слова. Пора начинать...

– Отличный кофе.

– В нашей семье все готовят отличный кофе. Это старый семейный рецепт.

Я тут же подумала: хорошо, что не травяной чай. Чёрт знает, чего она могла туда положить... Только подумала, как она тут же говорит:

– Я знаю, что ты не любишь травяной чай. Хотя зря, головную боль сразу же как рукой сняло бы. А имя Магда передаётся у нас по наследству – от бабки к внучке...

– Извините... – мне стало ужасно неловко. – Раз уж вы всё знаете и наш разговор инициирован вами, так, может, вы и начнёте?

– Пей кофе, дочка. Я покажу тебе магию в действии.

Я улыбнулась:

– Хотите погадать на кофейной гуще? Я в это не верю.

– Твоё право... Я просто тебе покажу... С чего начать? Что ты хотела бы знать?

– Каковы современные ведьмы? Откуда они берутся – те самые, которые "истязают род человеческий"? Как вы относитесь к самому определению "ведьмы"?

Она пожала плечами:

– Слово как слово, ничем не лучше и не хуже других... Откуда взялись истязующие людей... Вот скажи мне: если бы тебя сожгли на костре по непроверенным нелепым обвинениям и потом выжгли всю твою семью, неужели ты не вернулась бы отомстить?

В комнате повисла тишина... Видимо, вопрос был не риторический, и она всё-таки ждала ответа... Я вздохнула.

– Это неправильно, конечно. Но вернулась бы. Если бы могла.

– А если бы для этого тебе пришлось продать душу дьяволу? ...Есть те, кого эта кощунственная мысль не остановила (я с облегчением вздохнула, поскольку она не ждала от меня ответа на вопрос, на который я не смогла бы ответить). Так появились первые из нас. А дальше магия передавалась в проклятой крови...

– Так вы осознаёте, что вы прокляты?

– Это вам так угодно считать, – резко ответила она. – А мы просто не спорим с вами. Зачем? Жизнь – даже наша (тут она улыбнулась) – слишком коротка, чтобы тратить её на глупые споры... И потом – разве это не к нам, проклятым, вы идёте со своими болезнями, горем, разочарованием, жадной мести? То-то же... Ты пей кофе, дочка. Пей. И заодно подумай о ком-нибудь, кто тебя раздражает. О ком-то, кто тебя разозлил, и ты не можешь об этом забыть.

Я сделала ещё глоток кофе и задумалась... Почему-то никто не приходил на ум. Я достаточно незлобный человек... Вдруг вспомнился Зараза-Джо. Там, в редакции, улучив минутку, когда я отвернулась, он умудрился напихать мне в сумку чеснока. Я тут же скривилась, представив себе отвратительный зловонный запах...

– Вижу, представила... Отомстим ему? ("ну, если наказание будет сопоставимо с преступлением, – подумала я, – то почему бы и нет?"). Вижу, да. Ты этого хочешь.

Только она это сказала, у меня зазвонил мобильный. Я собиралась его отключить, но она кивнула, чтобы я ответила на звонок, и с видимым удовольствием следила, как я постепенно

бледнею, слушая то, что мне сообщали. Не знаю, как это могло произойти так быстро. Ошарашенная, я смогла выдать из себя только:

– Но Зараза-Джо только положил в мою сумку чеснок... Разве автомобильная авария – это честно? Смерть за несколько минут плохого настроения от испорченной сумки?

Она покачала головой.

– Это ведь ты захотела, чтобы наказание было сопоставимо с преступлением... Правда, преступление ещё не было совершено. Но уже было задумано. Давай я тебе покажу.

Она взяла мою чашку (кофе к тому времени я уже допила), резко перевернула её на блюдце, слив остатки, на секунду зажмурилась, потом крикнула "смотри!" – так громко и резко, что я не успела испугаться... Я посмотрела, и мне стало совсем плохо. Не знаю как, но в чашке я отчётливо увидела Заразу-Джо, его комнату, обклеенную моими фотографиями, его самого, сидящего в машине возле моего дома, а рядом на сиденье – охотничий нож с кровостёком. Вдруг вспомнилось, как я отказала ему, когда он предложил подвезти меня домой, а однажды не ответила на его электронное письмо с просьбой встретиться – просто сделала вид, что ничего не получала, а он никогда не спрашивал... надо было ответить.

– Как вы об этом узнали?

Магда беззвучно, жутко рассмеялась.

– Я? Нет, дочка. Ты. Ты узнала об этом. Узнала сердцем, но не поверила головой. Ещё несколько дней назад. Поэтому я нашла тебя и позвала к себе. А сила есть и у тебя. Только ты не хочешь это признавать. Кстати, полнолуние ведь сегодня...

Я больше не хотела слушать её. Стремглав выбежала из квартиры (благо, она меня не держала) и помчалась домой. Возле моего дома было столпотворение. Две машины, разбитые вдребезги. Полицейские допрашивали соседей. Я попятилась: я не хотела видеть это ещё раз...

Я бежала быстро. Быстро и долго. Остановилась только на набережной у реки. Река всегда успокаивала меня. Я долго сидела и думала обо всём, что со мной произошло, и постепенно мне стало легче. Круглая луна смотрела на меня свысока. Было три часа ночи. Или утра, не суть. Я взяла телефон и отправила главному смс-ку с единственным словом "увольняюсь". Через минуту он перезвонил. Абсолютно не сонный.

– А интервью?

Тут-то мне и пришло в голову, что никакого интервью не было. Более того – все ответы я теперь знала сама... Да пошёл ты..!

Я отключила телефон и со злости швырнула его в реку. Больше он мне не понадобится. У меня начинается другая жизнь...

февраль 2008г

Рукописи не горят

Рукописи не горят? Серьёзно? А вот сейчас мы это проверим... С какой-то не свойственной мне издевательской ухмылкой я взяла единственную бумажную копию моего последнего (собственно, он же и единственный) сборника рассказов и вышла на улицу. Сейчас на моей любимой набережной ветер, поэтому туда просто нет смысла идти... Дорога к парку заняла ещё несколько минут. Раннее утро, только-только светает. Сегодня солнце, похоже, не спешит вставать. Я присела возле тяжёлой урны и заглянула внутрь. Пусто. Отлично. Самое место для крематория никем не признанного творчества. (А, так тебе ещё признания хотелось, гений ты доморощенный!) Достала спички, в ярости рванула обложку из подшивки. Снова стало невыносимо больно от безапелляционной размашистой надписи поверх моего названия – "Вернуть аФФтару. В макулатуре не нуждаемся"...

Да кто ты такая, чёрт бы тебя подрал! Сильно сомневаюсь, что ты это вообще читала... Да, возможно, я не гений. Но ты вообще никто. Богатенькая девочка, упивающаяся властью единоличного руководства в единственном в городе издательстве. В единственном... Был бы у меня хоть какой-то выбор, в жизни не пришла бы к тебе. Ну не люблю я приторных кукол, хоть режь! Тошнит меня от вас. Это просто смешно, что у вас есть власть над нами – раз уж мы хотим получить хоть каплю известности...

Всё, хватит. Конец антилирическому отступлению. Достала спичку, чиркнула о коробок и поднесла к листу – тот мгновенно вспыхнул и опалил мне пальцы. Чертыхаясь, бросила горящий лист в урну. Вот так легко... Ещё как горят, рукописи эти... Собственно, я проделываю это уже не в первый раз, если уж быть честной до конца – несколько толстых тетрадей с подростковыми стихами я точно так же рвала на клочки и жгла: горят как миленькие, не оставляя и следа. Точно так же, как в этот раз. Никаких тебе поучающих незнакомцев, никаких менторских наставлений... Вдруг вспомнился Иван Бездомный и его первый разговор с Мастером: «Ваши стихи хороши? Скажите мне, и я вам поверю. – Чудовищны. – Не пишите больше. – Не буду» (не дословно, да и чёрт с ним – смысл ведь от этого не меняется)... Вообще странно, что поэт так легко согласился, и ему даже стало от этого легче... Если уж ты считаешь свои стихи чудовищными, ну не пиши их, действительно... Зачем же ждать указания сверху... Вот тут уже вспомнился Егор Летов: «Если то, что ты делаешь, не заставляет тебя самого прыгать до потолка от радости и гордости, значит, ты делаешь дерьмо». Он прав, конечно. На все сто...

Ну что? Второй пошёл? Пошёл, куда же он денется... И второй, и третий... Не могу сказать, что мне становилось легче. Потому что нет, не становилось. Просто другого выхода не было...

– Что, не становится легче?

От неожиданности я вздрогнула. Я и не заметила, как старик подошёл и присел на лавочку неподалёку. Интересно, давно он за мной наблюдает? Я вздохнула:

– Не становится...

– Вы не верите, что рукописи не горят?

Я злорадно ухмыльнулась:

– Вы же видите: горят, ещё как горят...

– Это ничего, что на вашем компьютере дома остался оригинал?

– Ну-у... может быть, поэтому мне и не становится легче от физического уничтожения этого... – я откинула длинную чёлку с лица и решительно взглянула на собеседника. – Но это ничего. Я вернусь домой и закончу то, что начала. Удалить это с компа вообще никаких проблем не составляет. Я это сделаю нажатием одной кнопки.

– Не жалко?

Я пожала плечами:

– А смысл жалеть?

Он покачал головой.

– Никто не жалеет. Поначалу.

Разговор нравился мне всё меньше.

– Вы меня извините? У меня нет желания это обсуждать.

– Разве? – спросил он, и я вздрогнула. – Если бы вы действительно хотели сделать то, что вы сейчас делаете, я бы здесь не появился. Всему на свете есть причина.

– Откуда же вы появились?

– Вы ведь не это хотите знать, правда? Спросите то, что вас действительно интересует.

Я задумалась.

– Зачем я это делаю? То есть не то, что сейчас, а... Зачем я вообще пишу? Для кого? Для чего? Кому это надо?

Старик ответил моментально – словно у него были заготовлены ответы на любой вопрос, который я могла задать:

– Людям, конечно... Вы ведь не думали, что я сейчас скажу, будто ангелы на небе читают ваши нетленные творения и плачут от восторга?

Я улыбнулась сквозь слёзы.

– Нет. Просто я не верю в ангелов.

– А вот это зря, милая. Они-то в тебя верят!

Я взглянула на него резко и осуждающе: мол, взрослый человек – и такая банальность! Не смешно даже... Отвернулась и подошла очередной лист:

– Если там, на небе, читают мои творения и считают их нужными, почему они ничего не делают для меня? Сейчас, когда я усомнилась, стоит ли мне продолжать писать...

На этот раз ответом мне была тишина. Я повернулась к старику, но его уже не было. Мне на секунду стало страшно – но только на секунду, потому что почти сразу же мной овладела привычная апатия. Я молча дожгла свои творения, выбросила спички и пошла домой.

На выходе из парка краем глаза увидела яркий плакат, на котором крупными кровавыми (ну что я говорю – конечно же, красными) буквами было напечатано: числа такого-то, по адресу такому-то, открывается новое издательство. Приглашаем молодых, ранее не публиковавшихся, авторов посетить праздничное мероприятие по случаю нашего открытия. Произведения первых ста посетителей будут опубликованы за счёт издательства.

И ниже мелкими буквами: посмертно.

Солнце в это утро так и не встало.

февраль 2008г

Каждый сам выбирает чему верить

Может быть, это странно, но я никогда не боялась их. Не могу объяснить, кого – их: для меня это просто – они... То есть те, кого не видят простые смертные. А что их бояться? Если бы я была им нужна, они бы давно уже со мной что-то сделали.

То, что они есть, не вызывает лично у меня никаких сомнений. Многие видели их... Карлос Кастанеда видел, когда сидел в темноте во дворе Дона Хуана и смотрел короткими взглядами сквозь опущенные ресницы. Он видел быстрые тени – это и есть они. И бояться их смысла нет. Просто примите их присутствие как данность и живите себе спокойно. Или – если вам так проще – успокойте свои сомнения. Сделайте вид, что их нет. Что вы в них не верите. И тогда... тогда они просто уйдут и не будут вам докучать. А смысл тратить время на тех, кто в тебя не верит?

Они не злые. То есть среди них попадаются, конечно, и злые, но они такие не все...

Зачем они приходят к нам? А зачем обычно приходит блуждающий в темноте уставший, голодный, замёрзший странник, если видит впереди свет в окне или огонь костра? Редко когда он приходит поесть. Чаще просто погреться. Поговорить немного и погреться – чтобы хоть на какое-то недолгое время перестать быть одиноким в этой холодной бездушной темноте...

Я чувствую тебя. Ты всегда со мной рядом, и мне неважно, кто ты. Ты хотел рядом со мной спастись от одиночества, а вышло так, что ты спас от одиночества меня, и я благодарна тебе за это...

Я чувствую тебя... Не знаю точно, с какого времени, но это и неважно – всё на свете потеряло значение с тех пор, как ты со мной. Я не знаю, ангел ли ты мой или просто голодный путник, случайно согретый у моего огня. А может быть, ты и есть огонь для моей уставшей, насквозь замёрзшей души...

Я чувствую тебя. Иногда я вижу твою тень. Иногда я слышу твоё дыхание за спиной. Я лгала самой себе, когда убеждала себя, что тебя нет... когда просила тебя не говорить со мной и ничем не обнаруживать своё присутствие... прости меня. Я очень боялась сойти с ума... теперь уже не боюсь.

Я чувствую тебя. Ты всегда со мной, и чаще всего тогда, когда рядом больше никого нет. Когда я ложусь спать, я слышу твоё дыхание очень отчётливо, и мне от него спокойно... Спасибо за то, что ты есть. Я чувствую тебя...

Нет, доктор, что вы... зачем мне говорить с самой собой? Я и так прекрасно знаю все свои мысли, мне вовсе незачем озвучивать их. Я ведь уже объясняла – я говорю с ним... Нет, я не больна. Никаких голосов я не слышу. Ничего они не просят и не требуют. Я не должна убивать кого-то или себя. Никому от меня ничего не надо...

Эй, да вы не слушаете меня! Вы так сильно заняты разговором с дежурной сестрой? Чем она вам поможет? Я ведь лучше знаю, что со мной происходит! И я здесь, стою возле вас, говорю с вами – и уже начинаю переходить на крик, пытаюсь объяснить вам хоть что-то, пытаюсь достучаться до вас, обратить на себя ваше внимание... Вы даже не смотрите на меня... Стою рядом... Доктор, взгляните на меня, наконец! Вот же я: стою рядом с вами и кричу...

Но кто это лежит, привязанный к моей кровати?

– Попытка самоубийства. Как это могло прийти ей в голову? Зачем она открыла окно, если на нём всё равно решётки?

– Доктор, мы этого не знаем. Она всё время молчит... Мы услышали глухой удар, и я пришла посмотреть. Когда я увидела в глазок, что она стоит на подоконнике и бьётся головой о прутья решётки, я вызвала санитаров.

– Они пришли сразу же?

– Да, доктор. Ключи были у меня. Они быстро вошли, схватили её и надели рубашку. Мы завязали рукава, вкололи успокоительное, положили пациентку на кровать и ушли.

– Вы хотите сказать, что не привязали её сразу?

– А зачем? Она и так была в состоянии крайнего истощения, не спала несколько ночей. Полнолуние пугало её. Руки были связаны. Окно было закрыто.

– Вы это хорошо помните?

– Конечно, доктор. Я лично закрыла окно. На замок... А когда мы во второй раз услышали то же самое, вошли в комнату и снова увидели её на подоконнике... Я не знаю, как она могла открыть окно. Клянусь! Как могла освободиться из рубашки, каким чудом смогла открыть окно... Она снова билась головой в решётку. Тогда мы и привязали её к кровати. Добавили успокоительного. Оставили санитаря дежурить возле неё, и вот... – худенькая женщина растерянно развела руками.

– И вот она в коме, а позвонили вы мне только полчаса назад, – доктор чеканил каждое слово так, будто хотел отхлестать сестру этими словами, а та с каждым звуком всё больше сжималась, сугулилась и втягивала голову в плечи, словно каждое слово-удар достигало цели, причиняя ей физически ощутимую боль. – Вы будете наказаны, сестра. За превышение служебных полномочий. Вы не имеете права давать пациентам успокоительное. А если она скончается, вы будете отданы под суд. Теперь остаётся только ждать...

– Да, доктор, – еле слышно произнесла медсестра и ещё больше опустила голову вниз.

– Продолжайте дежурить возле неё круглые сутки. Как только что-то изменится – сразу дайте мне знать, – доктор резко развернулся и ушёл, оставив худенькую женщину в моей палате.

Она повернулась в сторону единственной в комнате койки и в бессильной ярости уставилась на меня – то есть на ту, кто лежала там сейчас, связанная и полностью обездвиженная. Я не чувствовала её больше. Не чувствовала её собой...

– Не спится?

– Нет. Я никогда не сплю, когда луна круглая. Она как-то влияет на меня...

– Тревожно?

– Не всегда. Иногда она просто манит меня к себе. Иногда я хочу спрятаться от неё. А иногда просто люблю любоваться её отражением в падающих каплях дождя...

Я почувствовала, как он улыбается в темноте:

– Ты всегда была романтичной... Даже когда отказывалась признаться в этом самой себе.

– Почему ты так думаешь?.. То есть... откуда ты знаешь?

– На самом деле ты просто хотела спросить, кто я.

Я усмехнулась, несколько долгих секунд всматривалась в его – такое родное – лицо, и покачала головой.

– Правда? Если бы хотела, именно это и спросила бы. Мне неважно, кто ты. Гораздо важнее, почему ты здесь.

– Ты мне нравишься, и я пришёл, чтобы забрать тебя отсюда. Или у меня просто есть приказ доставить тебя в одно место... и мне абсолютно всё равно, кто ты. А может быть, я призрак... Был когда-то сумасшедшим, лечился в этой клинике, в этой самой палате, а дежурная сестра проводила на мне эксперименты, довела до самоубийства, и теперь я хочу ей отомстить.

Впрочем, ты и сама сумасшедшая. Так что, возможно, я лишь плод твоего воображения... Могу предложить тебе ещё кучу вариантов, но времени у нас не особо много... Выбирай сама, что тебе больше нравится – или придумай собственный ответ. И в любом случае собирайся, я действительно пришёл за тобой.

Я помедлила, пытаюсь определить хотя бы для себя, какая версия мне нравится больше, но так и не решила. Это было совершенно не важно.

– Ты хочешь сказать, что моя жизнь закончена?

– Жизнь? – он широко улыбнулся. – Милая, это ты называла жизнью?

– Но я была счастлива...

– Ты не знаешь, что такое счастье. Пойдём со мной, я тебе покажу.

– Ты это серьёзно? Ну пойдём... всё лучше, чем оставаться здесь. Какой смысл мне здесь торчать? – Вспомнив кое-что важное, я оглянулась на койку, на которой всё ещё лежало тело, бывшее когда-то моим, и с сожалением посмотрела на него. Я привыкла к себе такой... – Я так понимаю, в это тело я уже вернуться не могу?

– Конечно, нет. – Он был нетерпелив. Протянул мне руку слишком резко. – Давай руку, ты ещё не умеешь летать.

– Летать? – моё сердце радостно застучало. Давно такого не было... мне начинала нравиться такая жизнь...

Мы прошли сквозь решётку и остановились на карнизе. Холодный ветер дунул мне в лицо, и я застыла в нерешительности.

– А как же моё тело? А дежурная сестра?

– Тело больше не твоё. Оно уже не принадлежит никому. Или принадлежит демонам ночи, пока луна будет круглой... В любом случае, жалеть о нём не стоит. Через несколько дней никто уже не вспомнит, что оно вообще было... Сестра будет наказана (я увидела, как сильно он стиснул зубы) по заслугам...

– Так это правда? Она виновата в твоей смерти? Значит, остальные варианты были просто для заморочки?

Он секунду помолчал...

– Да, это правда. Но правда и то, что ты мне нравишься... Слушай, ты же не хочешь провести всю ночь на подоконнике "дурки"? Полетели, я покажу тебе рассвет...

Вы просто не поверите, каким красивым может быть рассвет. Когда рядом поле спелой пшеницы, дурмящий запах свежескошенного сена и луговых цветов, шёпот ветра в траве и река. И – солнце... медленно встающее откуда-то из-за горизонта, чуть золотящее всё вокруг, улыбающееся всему миру... И рядом кто-то, кого ты знаешь уже тысячи лет, такой близкий и родной...

Честное слово: это самый прекрасный рассвет в моей жизни. Я хочу сказать – это просто мой первый рассвет...

...Только что проснувшийся, ещё зевающий и потягивающийся, рыбак случайно, краем глаза, увидел две дрожащие тени. Сначала они, казалось, были сотканы из плотного густого тумана, но вот туман рассеялся, и через мгновение взмахнули серебристыми крыльями две большие светлые птицы. Они легко поднялись в воздух, покружили над рекой, как будто с кем-то прощаясь, и улетели навстречу солнцу.

Рыбак ещё несколько минут тёр глаза и всматривался вдаль, думая об удивительных птицах, но вскоре забыл о них. А смысл? Всё равно ему никто не поверит...

февраль 2008г

Луна была не круглая

Луна была не круглая. Не зловещая. И не было страшных, нависающих над городом грозных туч. И не было никаких тревожных предчувствий. И не было в жизни Элис никаких несправедливостей, несчастных любовей, невзаимностей и прочей дребедени, за которые можно было бы кому-то отомстить. Да и вообще: кто придумал, что всё происходит исключительно в полночь или полнолуние?

Конечно, в этом что-то есть. В полнолуние ведьмы летят на шабаш, оборотни ищут добычу, вампиры зовут жертв, а несчастные сумасшедшие в больничке начинают волноваться... А как тут не волноваться, когда ночью за стенкой вдруг услышишь протяжный волчий вой?

Сегодня Элис было всё равно, какая там на небе луна. Ей просто хотелось летать. В конце концов, когда ты умеешь летать, а на улице нет людей, от которых надо прятаться, нет сборища бывших подруг, летящих на шабаш, и нет урагана, уносящего тебя по своей воле, куда ему вздумается, почему бы и не лететь? Элис подумала об этом и посмотрела в зеркало. Отражение с улыбкой пожало плечами.

В самом деле – почему бы и не полететь? Ей сразу стало так спокойно и хорошо от внезапно пришедшей мысли... Но не хотелось бежать вот так сразу... Хотелось чуть-чуть насладиться вдруг осознанной свободой. Элис прошла на кухню, налила манговый сок в высокий тонкий стакан, вернулась в комнату, открыла окно, села на подоконник, отпила глоточек сока и зажмурилась от удовольствия... Как же всё-таки здорово, когда не надо куда-то спешить, кому-то что-то объяснять, чувствовать себя виноватой непонятно за что...

Элис и не заметила, как закончился сок. Просто кошка с разбега заскочила к ней на колени и подтолкнула руку, в которой был стакан, а из него ничего не вылилось.

Вместо того, чтобы ругать кошку, хозяйка отставила стакан в сторону и нежно прижала к себе любимое животное. Кошка довольно замурлыкала.

– Тоже помурлыкала бы с тобой, но мне пора, простишь? Я не слишком долго...

Элис встала, улыбнулась, поцеловала кошку в холодный мокрый нос, аккуратно уложила её в уютное кресло, а сама вышла в окно.

Луна была круглая – это было прекрасно видно в открытое окно рыжей девушке в шёлковом японском кимоно, сидящей за компьютером. Она вытянула ноги, меняя неудобное положение тела, и медленно потянулась за стаканом сока. Манго, конечно. Её любимый сок. Наслаждаясь маленькими глоточками холодного сладкого напитка, Криста медленно читала на мониторе то, что только что написала. Угу, отлично... хорошо бы где-то (то есть везде по тексту) написать, что волосы у Элис были не рыжие. А то привыкли, чёрт, к рыжим ведьмам... Достали уже! Кем же её сделать? Ммм... блондинкой? От одной этой кошунственной мысли Криста поперхнулась и закашлялась. Не хватало... Брюнеткой, конечно, ещё куда бы ни шло. Хотя можно ведь ничего не писать, и тогда каждый додумает сам (здесь писательница улыбнулась – конечно, у режиссёра Элис непременно будет рыжей: в этом она даже не сомневалась).

И снова луна. Чёрт бы её подрал, эту луну... Хотя и написано, что не круглая и не зловещая, всё равно всё крутится вокруг неё. Не писать о луне вообще ничего? Но как тогда описывать ночь? Ведь даже если пишешь, что "луны не было", всё равно пишешь о проклятом свете... А вообще ничего, сойдёт. И в целом читается неплохо... Никому не нужные шабашки прекратились. Справедливость восторжествовала. Ведьма освободилась от действия полнолу-

ния и обрела свободу летать, когда ей вздумается. Всё отлично. На этом можно закончить. И так уже дальше всё понятно...

Писательница быстро проскроллила на экране роман в обратном направлении, и на заглавной странице уверенно напечатала большими буквами название своего творения: ПРОКЛЯТАЯ ЛУНА.

Дело сделано. Пусть теперь так и остаётся. И потом – название вполне соответствует описанному сюжету: красной нитью проходит через роман постепенное избавление от полнолуния несчастных зверомагов и свободомыслящей ведьмы. Ну и отлично.

Криста написала электронное письмо редактору, прикрепила в него длинный файл (который всё ещё назывался "Счастливое избавление") и уверенно нажала кнопку "отправить". Всё, на сегодня дел больше нет.

Девушка встала, повела плечом, вздрогнув от щекотки сползающего с её тела шёлкового кимоно, и, оставшись абсолютно голой, поискала глазами метлу... найдя, взяла её в руки, на мгновение зажала метлу между стройными бёдрами, пока руки были заняты вытаскиванием шпилек из сложной причёски, и уже минуту спустя в полной готовности шагнула за окно. Белоснежное тело в сиянии круглой луны было просто восхитительно.

Ну что, сегодня к реке? Пора уже начинать избавление от этих никому не нужных сборищ...

...Проклятая луна!

февраль 2008г

Прогулка в раю

Был самый обычный весенний день. Сквозь тучи проглядывали ослепительные солнечные лучи. Зеленела первая пробившаяся трава, щебетали прилетевшие с юга птицы. Время от времени налетал совсем не холодный, а тёплый и ласковый ветерок. Идиллия, да и только. Жанна шла по улице, по которой проходила уже тысячи раз, и вдруг боковым зрением заметила сбоку, на траве, на куче сваленных прошлогодних листьев, труп чёрной кошки.

Отвернулась и зажмурилась. Смерть сама по себе – не самое приятное зрелище, а кошек Жанна любила, так что её радужное настроение мгновенно испортилось. Она вздохнула. Посмотрела ещё раз на несчастную кошку, по всей видимости, сбитую машиной и отброшенную в кучу пожухлых листьев небрежным дворником, зажмурилась и быстро произнесла:

– Господи, спаси душу несчастной кошечки. Пожалуйста. Пусть ей там будет хорошо. Кошки должны попадать в рай – это справедливо.

Вкрай офигевшая, Жанна заметила краем глаза, как от тела мёртвой кошки отделилась полупрозрачная тень, с благодарностью кивнула ей и медленно растворилась в дрожащем воздухе. Девушке стало немного не по себе, она поёжилась и сильнее закуталась в объёмный полосатый шарф. Стоять и рассуждать на тему "что это было" Жанне было некогда, поэтому она решила выбросить странное происшествие из головы и поспешила дальше по своим делам.

Через несколько минут она увидела лежащего на асфальте отвратительно грязного бродягу – то ли смертельно пьяного, то ли просто мёртвого. Внутри неё раздался шипящий шёпот:

– Давай, попроси за него!

По её телу пробежали мурашки.

– Вы что, издеваетесь надо мной, что ли? – пробормотала Жанна и без оглядки поспешила вперёд, сильно ускорившись. Через секунду она услышала за собой шаги, а ещё спустя мгновение на её плечо легла чья-то рука.

– Не так быстро, девушка. Я устал гнаться за вами, – мужчина среднего возраста, одетый во всё чёрное, не казался, однако, загнанным.

– Зачем же вы гнались? – привычно усмехнулась Жанна, но наткнувшись на стальной взгляд незнакомца, тихо добавила: – Простите. Я сегодня немного не в себе.

– Ничего, это бывает, – Жанна в тысячный раз удивилась тому, каким успокаивающим может быть мужской голос в стрессовой ситуации. Она оглянулась туда, где лежал бродяга, и ничего не увидела.

– Его там больше нет. Если вам интересно, я могу немного рассказать об этом.

Жанне было интересно, тем более что шли они всё равно в одном направлении. Дорога проходила через парк, погода была отличная, ей хотелось пройтись там медленно, но одна ходить медленно она не любила, так что неожиданный спутник, ещё и так заинтриговавший её, пришёлся весьма кстати. Да и надо было немного успокоиться – не каждый день видишь такое...

– Что же вы хотели мне рассказать? – спросила девушка, взглядываясь в беспристрастное лицо незнакомца – тот был явно не настроен флиртовать.

– Для начала я бы показал вам кое-что, – без тени улыбки сказал мужчина и кивнул на чудесную тенистую аллею среди цветущих жёлтых кустов.

Несколько минут они шли молча – Жанна подумала, что незнакомцу нужно собраться с мыслями: он продолжал молчать. Вскоре ей надоело смотреть под ноги, бодрое настроение

понемногу возвращалось, она стала смотреть по сторонам... и что-то внутри неё неожиданно дрогнуло. Несколько секунд Жанна смотрела на стройные яблоньки с крошечными яблочками, на кусты с нежными чайными розами, на высокую зелёную траву и не понимала, что не так.

Вдруг осознав явное несоответствие картинки реальности, она резко остановилась.

– Так. Стоп. Что происходит? Я чего-то не понимаю? – спросила девушка, ни к кому персонально не обращаясь. – Ещё только конец марта, какие яблочки? Откуда розы? Их здесь вообще никогда не было.

Незнакомец оставался бесстрастным.

– Вы бы очень удивились, если бы я сказал вам, что мы сейчас... в раю?

– В раю?! – повторила она, находясь в полной прострации. – Вы хотите сказать, что я... я...

– Умерла? О нет, что вы! Просто... Скажем так – вы заслужили право на эту прогулку и ответы на некоторые свои вопросы.

– Чем же я заслужила столь неожиданное счастье? – Жанна сказала это немного высокомерно, но незнакомец, похоже, не обратил внимания.

– Вы попросили о кошке. О спасении её души, понимаете? Не задумываясь, есть ли у животного вообще душа и может ли она после смерти попасть в рай. Думаете, много людей разделило бы ваш порыв?

Жанна помолчала, задумавшись.

– Хотите сказать, я ненормальная?

– Нисколько. Я бы сказал – просто более чувствительная и отзывчивая, чем многие другие.

Она улыбнулась:

– Тогда ладно. А кошка... ну... попала сюда?

– А вы посмотрите под ноги.

Жанна глянула вниз и увидела пушистую чёрную красавицу, гордо идущую рядом. Кошка шла, довольно задрав хвост, мурлыкая и не отставая от Жанны ни на шаг. Девушка готова была поклясться, что кошка счастлива и улыбается.

– Я рада, – выдохнула она. И снова оглянувшись по сторонам, спросила: – Так, значит, это здесь обитают святые?

Незнакомец усмехнулся.

– Милая моя, – сказал он неожиданно поучительным тоном. – Если бы здесь обитали исключительно святые, меня бы здесь точно не было. Да и вообще – почти никого не было бы.

– Кто же здесь есть?

– Те, за кого попросили.

Немного поразмышляв над полученной информацией, Жанна недоверчиво протянула:

– Тогда здесь собрались все? Вообще все?

– Вы что же, действительно думаете, что многие в состоянии попросить за кого-то? Даже за человека, не говоря уже о кошке...

– Но... подождите. Это же ни в какие ворота не лезет. Нас всегда учили, что в рай попадают только святые. И что он – ну этот рай – выглядит как безмятежный сад с яблоньками.

– Вы всё ещё цепляетесь своим неограниченным разумом за ограниченные мировоззрения, Жанна. Позвольте себе видеть больше. Вы хотели видеть сад? Вы увидели сад, чего же боле... Кроме того, так было легче привести вас сюда – помните, мы ведь гуляли в парке...

– А вы что видите?

Мужчина вздохнул:

– Я всегда любил море. Так что сейчас я иду с вами по морскому берегу. По чистому песку. Возле самой кромки воды.

– Можно, я тоже увижу ваше море?

Не дожидаясь ответа, Жанна на секунду зажмурилась, и, вновь открыв глаза, увидела берег моря и бесконечную синюю даль. Тогда она подумала о странном чёрном одеянии собеседника и взглянула на него.

Осматривая своё новенькое ярко-жёлтое кимоно с широким красным поясом, мужчина улыбнулся:

– Значит, таким вы хотите меня видеть? Что ж... Мне нравится...

Девушка удовлетворённо кивнула, словно ученица, безупречно выучившая урок.

– На чём мы остановились? – спросила она, готовая принять любую информацию. Теперь она ничему бы не удивилась.

Он улыбнулся:

– Собственно, ваше развитие не останавливалось, Жанна. Вы перешли на другой уровень восприятия. Вся истина внутри вас. Интуитивно вы это знаете. Но ваш разум по привычке продолжал цепляться за условности. Сейчас мы это изменили.

Девушка открыла рот от изумления:

– Изменили? Что именно изменили? Я больше не я?

Незнакомец в очередной раз улыбнулся.

– Физически вы можете жить так же, как раньше. Духовно вы теперь окончательно освободились от навязанных вашим обществом стереотипов. Теперь у вашего восприятия нет ограничений. А прогулка наша подошла к концу, – неожиданно сказал мужчина, наклонился, поднял что-то с песка, выпрямился и положил это "что-то" в руку Жанне. – Прощайте. Мне было приятно встретить ещё одного человека, готового воспринять Истину.

Не успела девушка что-то ответить, как незнакомец исчез. Исчезла и кошка, и яблоньки, и розовые кусты. Остался парк, деревья с распускающимися почками, зелёная трава, пение птиц, яркое солнце и лёгкий тёплый ветерок.

И необыкновенной красоты маленькая морская ракушка, зажатая в руке.

февраль 2008г

Когда уходит вдохновение

Однажды его вдохновение просто ушло. Он сидел глубокой ночью в своём любимом мягком кресле за компьютером и тупо смотрел на экран. За три часа известный писатель Джек Стоун не смог написать ни одной строчки. То есть он писал, конечно, но тут же, перечитывая, стирал абзац за абзацем, пока его монитор вновь не становился абсолютно чистым. Внизу экрана было открыто маленькое сообщение мессенджера, гласившее: "Джек, ты и так уже заслужил себе имя. Твои романы популярны во всём мире. Какая теперь, к чёрту, разница, напишешь ли ты ещё что-нибудь?".

Какая разница?! Как это – какая разница?! Он не может не писать! Сколько раз Джек задавал себе вопрос: "Если бы твои романы никто не покупал, ты продолжал бы писать?", столько же раз он давал себе всё тот же ответ: "Конечно. Это моя жизнь".

А теперь он сидит перед светящимся монитором, опустевшим в очередной раз, и не может написать ни строчки.

Да, он известен. Он популярен. Он любим. Презентации, интервью, письма... деньги... Последний роман Стоуна принёс ему столько денег, что о них теперь можно не думать до самой смерти и можно – тут его виртуальный друг, по всей видимости, был прав – можно больше ничего не писать.

Если бы он мог! Почувствовав себя окончательно расстроенным и несчастным, Джек решил подняться наверх, в роскошную спальню, где его любимая жена, должно быть, видела уже десятый сон.

Писатель медленно поднялся по лестнице, вошёл в комнату, присел на кровати и зажёл ночник. Немного посидев, он тронул за плечо спящую жену:

– Джен, ты спишь?

Она не отозвалась. Мужчина решил, что лучше её не будить и подождать до утра. В комнате было ужасно душно. Он встал и открыл окно. Джен резко вскочила, села на кровати и уставилась на окно. По её щеке медленно поползла слеза.

– Я же не открывала окно, – прошептала она. – Я не открывала! Джек, зачем ты это делаешь? Зачем ты меня мучаешь?! Уйди, пожалуйста. Уходи, я не хочу тебя видеть. Мне страшно, Джек. Я к этому не готова. Уходи.

Когда это они успели поссориться? И главное – почему? Джен часто плакала в последнее время. Может, у неё что-то случилось? Сколько Джек ни старался, он так и не смог вспомнить, говорила ли ему жена что-нибудь по этому поводу. Он попытался обнять её за плечи и успокоить, собирался извиниться, хоть и не знал, за что именно, но Джен словно не замечала его и всё в каком-то исступлении повторяла: "Я же не открывала окно... Я не открывала окно...". Наверное, он не может ей сейчас помочь. По опыту мужчина знал: если у жены начинается истерика, он бессилён. Что бы он ни говорил, как бы ни пытался её успокоить, всё было бесполезно и даже усугубляло ситуацию: Джен требовалось оставить в покое и дать ей время успокоиться самой. Хотя потом извиняться, конечно, всё равно придётся.

Джек снова спустился вниз, прошёл на кухню и достал из холодильника банку пива. Подумав, поставил её обратно и взял едва начатую бутылку мартини. До утра он пил любимый напиток маленькими глоточками прямо из горлышка и не заметил, как заснул.

Разбудил его тихий, но очевидно встревоженный голос жены, говорившей с незнакомой пожилой женщиной. Мужчина услышал, что Джен снова плачет, и его сердце сжалось от боли. Надо было остаться с ней ночью и не уходить, пока ей не станет легче.

До него долетали только обрывки фраз:

– Да, окно снова было открыто... И пустая бутылка из-под мартини лежала на полу возле его любимого кресла...

– Дженнифер, соберитесь. Я не знаю, почему он ещё здесь, но я могу сделать так, что он уйдёт туда, где он должен быть...

(Кто это он – я, что ли? Как это – почему? Я здесь живу! И кто ты вообще такая, чтобы гнать меня из моего собственного дома?!)

Джен всхлипнула:

– Мне страшно... Что, если что-то пойдёт не так?

– Дженнифер. Мы обсуждали это не один раз. У меня есть опыт в этих делах. Я делала это не однажды. Всегда успешно. Подумайте: если мы сейчас этого не сделаем, вы будете обречены закрывать открытые окна до конца своей жизни... Что ещё – собирать пустые бутылки? Выключать компьютер? Сколько ещё вы хотите издеваться над собой, Дженнифер? Скажите мне.

– Но... как же это возможно? Я не понимаю... Ведь он умер две недели назад...

(Кто? Кто?! КТО УМЕР?!)

– А Джек... ну... как вы можете быть уверены, что всё сделаете правильно? Какие гарантии, что он больше не вернётся? И... что ему там будет хорошо?

Всё, ему надоел этот фарс. Полный бред. Сейчас он пойдёт и разберётся. Прекратит эти истерики и выгонит незнакомую тётку из своего дома. Заставит жену выпить успокоительное и впервые за долгое время попытается поговорить с ней об их проблемах... А в том, что проблемы у них всё-таки есть, он уже убедился.

– Ну что – начинаем? Вы уверены? Хорошо. Зажгите свечи и отойдите в сторону. Можете присесть в кресло. Нет, не в его любимое. В другое.

Дом медленно стал наполняться запахом лаванды – любимым запахом Джека. Что это они там начинают?! Мужчина попытался встать, но не смог сдвинуться с места. Он так и продолжал сидеть в своём любимом кресле и слушать голос – странный, гипнотизирующий голос, медленно, но верно вводивший его в транс...

– Уходите, мистер Стоун. Вы меня слышите? Следуйте за любимым запахом, он отведёт вас туда, где вы должны быть. Не беспокойтесь о своей жене, с ней всё будет хорошо. И... вам будет хорошо. Поверьте мне. Так будет правильно.

«Правильно?! Да кто ты такая, чтобы стоять здесь, в моём доме, и рассуждать о том, что правильно, а что нет? Кто ты, чёрт возьми, такая, чтобы выгонять меня отсюда?» – подумал Джек, медленно поддаваясь гипнозу. Никаких эмоций он уже не испытывал.

– У вас не осталось здесь незаконченных дел, мистер Стоун. Уходите, – по-прежнему жёстко произнесла незнакомка и вдруг смягчила интонацию. – И не смейте ни о чём жалеть, Джек, иначе вы никогда не сможете отсюда уйти.

– Прощай, Джек. Я буду любить тебя всегда...

С тяжёлым сердцем, с обрывками воспоминаний о своей прежней жизни, только сейчас начинающий понимать происходящее, Джек Стоун смог, наконец, встать. Его тело (можно ли сейчас сказать об этом "тело"?) стало лёгким, будто невесомым.

Спустя мгновение мужчина оказался в длинном коридоре, сотканном из тумана лавандового дыма. Где-то вдали виднелся слабый свет. Даже если бы Джек захотел сейчас остаться, выбора у него больше не было. Пути назад не существовало.

Не успев толком попрощаться с женой, размышляя, вернётся ли к нему вдохновение там, куда он направляется, и изо всех сил стараясь ни о чём не жалеть, писатель Джек Стоун сделал первый шаг в сторону света.

март 2008г

Вечная мерзлота

Здравствуйте. Я Лиса, и я – ведьма. Только не подумайте, будто я хвастаюсь: мне совсем не нравится быть такой. Я даже хотела отказаться от этого... назовём это даром... но мне сказали, что, если я откажусь, весь негатив всё равно останется со мной. Исчезнет только моя реальная сила...

В этом свете я не назвала бы эту силу даром. Скорее, это проклятье. Хотя, возможно, это ненадолго – когда-нибудь я всё же научусь её контролировать, и тогда всё наладится.

Наверное, жаловаться было бы несправедливо, ведь на самом деле «негатива» не так уж и много. Разве что моя злость иногда выходит из-под контроля: вы бы не поверили, что глазами можно реально метать молнии... Особенно мне жаль молока – это правда, кстати, что, когда ведьма злится, в округе киснет молоко. По счастью, на меня ещё никто не жаловался – наши люди ведь не верят, что ведьмы действительно существуют... Но сама я свежего молока не пила очень, очень давно. Настолько давно, что уже забыла его вкус...

Хуже всего с любовью. Если бы не испытала на себе, я бы сама не поверила ни за что на свете, что любовь греет – я думала, это просто такой фразеологический оборот...

Но дело в общем, не в том, что любовь греет, а в том, что она НЕ греет. То есть реально не греет, скорее морозит. И в этом вся беда. Дело в том, что, когда я улыбаюсь, всё на улице улыбается и цветёт вместе со мной, и солнце греет землю своими ласковыми лучами. Но вот когда наоборот...

Недавно с моего любимого спали розовые очки. Может быть, он увидел меня такой, какая я есть на самом деле. А может быть, наоборот, в своём воображении наделил меня какими-то не слишком приятными чертами, возможно, мне даже не присущими. Он стал очень холоден со мной. Я чувствую лёд в его взгляде, ощущаю его лёд всей своей кожей сквозь расстояние, разделяющее нас. Я слышу арктический лёд в его голосе, когда он говорит со мной.

Вам это, должно быть, не интересно, да и не обязательно вам это знать, просто... наверное, я просто пытаюсь найти себе оправдание. Вы не могли не заметить, как холодно стало у нас. Температура снижается, ветер усиливается, и часто льёт ледяной дождь. Солнечные лучи забыли дорогу на нашу землю. Думаете, я могу помочь? Нет. Я не умею контролировать своё отчаяние, свою боль. Свой ледяной холод...

Сегодня ночью ветер выл, врываясь в мои окна. Иногда мне казалось, что он пришёл за мной, за моей душой... если она у меня, конечно, есть... Но теперь я знаю, что мне суждено уйти отсюда последней. Я стану свидетельницей конца.

Не знаю, сможете ли вы избежать печальной участи... Не знаю, успеете ли вы скрыться – в другой город, в другую страну, на другую планету. Одно я знаю точно – теплее здесь уже не станет. Готовьтесь, люди. Впереди ледниковый период...

май, 2008г

Не дружите с бешеной собакой

Была душная летняя ночь и казалось, время застыло. Ни лёгкого ветерка, ни малейшего движения воздуха. На поляне застывшего в неподвижности леса вокруг небольшого костра сидели несколько человек и молчали. Так могло продолжаться ещё долго, но через какое-то время к неподвижной компании подошёл ещё один человек с котелком воды, подошёл к костру, повесил над ним котелок и нарушил молчание:

– Флокса, твоя очередь, – у него был приятный низкий голос. – Давай, детка. Тебя-то мы ещё не слышали. За те десять лет, что мы не виделись, ты сильно изменилась.

Тёмная фигура у дерева пошевелилась:

Ну что ты, Крит. Я осталась такой же... Может, чуть меньше улыбаюсь, но и вы сегодня вроде не в духе?

В повисшей тишине высокий женский голос тихо сказал:

– Это потому, что ты молчишь. Мы ведь не виделись десять лет, Флокса! Долгих десять лет... между собой мы продолжали общаться, но тебя потеряли из виду. Только Рита общалась с тобой, но теперь её нет, и, откровенно говоря, мы думаем, что причина её смерти известна лишь тебе. Мы и так дали тебе время всё обдумать, пока сами пересказывали давно известные нам всем вещи, а тебе, похоже, это было не интересно. Мы ждём, Флокса.

Флокса сидела дальше всех от костра, спиной к дереву, устало прикрыв глаза. После гневной речи приятельницы глаза пришлось открыть:

– Это что – обвинение?

– Тебя никто ни в чём пока не обвинял, – резко сказал Крит, перебирая в руках травы для чая. – Но объяснения не помешают.

– Тогда не буду вас томить, дети мои, – вздохнула девушка, к которой было приковано всеобщее внимание. – Итак, что вам рассказать в первую очередь? Вас интересует Рита? Хорошо. Я расскажу.

В компании пронеслось оживление, все зашевелились, меняя позы, и снова замерли в предвкушении. Флокса начала говорить медленно, без выражения, словно отвечая скучный урок.

– С Ритой мы встретились год назад, а до тех пор я не виделась с ней так же, как и с вами. Она оказалась моей соседкой в одном маленьком отеле в забытом богом городишке Кримбелл на восточном побережье. Я приехала к морю отдохнуть на пару недель. На тот момент она жила там уже достаточно долго, но ни с кем не подружилась – люди избегали её. Так что я легко сняла номер по соседству – никто не хотел жить рядом с ней. У наших комнат был общий балкон – просто огромный, с кофейным столиком и двумя уютными креслами. Мы часто сидели там, болтали о всякой ерунде и смотрели на звёзды. Думаю, я была единственной кроме обслуживающего персонала, кто общался с ней.

Никто ничего не спросил, но на лицах отразилось любопытство, и Флокса сочла нужным добавить:

В первый же день, когда я только сняла тот номер и шла к себе, парень, который нёс мой чемодан, вдруг взял меня за руку и сказал: «Будьте осторожны с вашей соседкой, мисс, и при первой же возможности уезжайте отсюда. Она ведьма и крадёт силу у людей». Я ещё не знала, что речь идёт о нашей Рите.

– И что ты сделала? – в один голос ахнули две девушки, ближе всех сидевшие к костру.

Флокса усмехнулась:

– А вы как думаете? ...Отобрала у него свой чемодан и пошла в комнату сама. В ту же ночь я вышла на балкон и встретила с Ритой. Она нисколько не изменилась со времени

последней встречи. Такая же отстранённая, хмурая и чем-то озабоченная. Но мы проговорили до утра, и постепенно она оттаивала. Похоже, ей давно не с кем было поговорить, а ведь без общения мы не можем...

У присутствующих готов был сорваться с губ вопрос «кто это – мы?», но никто не решился его задать, и Флокса продолжала:

– Днём мы не виделись – знаете, я не люблю слишком жаркого солнца, – а ночами продолжали встречаться на балконе. Через пару дней наступило полнолуние, и накануне Рита сказала, что в эти дни всегда чувствует себя плохо, поэтому видеться мы не будем. Я не слишком возражала – у меня были в это время свои дела в городе, которых я не могла отменить. Вернувшись в отель, я застала там непривычную тишину – пока меня не было, половина постояльцев съехали. Это сказала мне немолодая горничная, тащившая мои пакеты с покупками. Я спросила, где носильщик. Она что-то пробормотала про похороны, Риту и отбирание силы, сунула мне в руки мои покупки и сбежала.

Мне стало нехорошо, страшно разболелась голова. Я вошла в номер, бросила пакеты прямо на пол, разделась, приняла душ, переделась в халат и вышла на балкон. Рита была там. На столике стоял бокал с белым вином, две откупоренные бутылки, под столиком ещё две бутылки, а Рита держала бокал с красным. Я рухнула в кресло без сил. Рита кивнула на стакан и спросила: «Я угадала?». Ну да, угадала. Я ведь красное вино даже видеть не могу... После пары плотков белого мне стало легче, боль отпустила меня. Она спросила: «Ты знаешь, что с Томасом?» – а я не знала даже, кто это – Томас. Оказалось, это тот носильщик из отеля. Его нашли в городе мёртвым – и это всё, что было известно о его смерти. «А ты что, жалеешь его?» – спросила я. Она жалела. Я даже подумала, что она была влюблена в него по уши. В носильщика! Я говорю: «А он сказал, что ты ведьма и крадёшь у людей силу. Он тебя боялся...» – «Да кому нужна его сила! У него и силы-то никакой не было»... Дальше говорить было не о чем – она была расстроена, а я не могла её вытащить из этого состояния. Так мы и пили вино – она красное, я белое – и молчали до утра. Следующим утром было пасмурно, и прогнозы синоптиков на ближайшее время не обнадеживали. Мне больше нечего было там делать, и я уехала домой в тот же день. Вот и всё. Больше мы с Ритой не виделись. О том, что она... что её больше нет, я узнала от вас, когда вы предложили собраться здесь.

Флокса замолчала, и снова воцарилась тишина. Чай уже давно заварился, котелок был снят с костра, но никто ничего не пил. Все молчали, думая о Рите.

Через несколько минут у Флоксы зазвонил телефон, она посмотрела, кто звонит, и встала, отряхиваясь от земли:

– Ну всё, ребята. Мне пора. Скоро рассвет. Рада была вас повидать. Прощайте!

Тогда только все заметили, что действительно начинает светать. В лесу поднимался туман, и Флокса быстро исчезла из виду. Все сидели и молча смотрели туда, куда она ушла. Долго никто не решался сказать и слова. Потом женский голос недоверчиво протянул:

– Вы ей верите?

Крит подкинул пару веток в догорающий костёр и усмехнулся:

– В этом нашей Флоксе не откажешь. Она всегда говорила только правду, даже если правда была ей невыгодна. Просто с ней нужно уметь читать между строк.

– Да? И что же ты прочитал?

Несколько пар глаз уставились на Крита в полном недоумении. Он вздохнул:

– Я скажу вам то, чего вы не услышали в рассказе Флоксы, хотя она говорила достаточно ясно. Это предупреждение: никогда больше не пытайтесь связаться с ней. Она убьёт вас, не колеблясь ни секунды.

Убьёт?! – взвизгнул от ужаса женский голос.

Почему же она пришла сюда? И никому, кстати, не угрожала? – донёлся с другой стороны костра мужской баритон.

Она пришла сюда нас предупредить, Макс, ты не понял? И потом – это ведь мы позвали её, а такие как она, не могут отказаться от приглашения.

– Такие как она?! – одновременно воскликнули все вместе.

Крик посмотрел на них, как на ничего не понимающих детей и скороговоркой произнёс:

– Флокса – ведьма. Вы этого не поняли? Рита тоже была, и поэтому Флокса убила её – ей нужна была сила Риты, и она её получила. Вы же слышали – год назад, восточное побережье, морской городок Кримбелл. В конце лета, в полнолуние, там было совершено убийство носильщика из прибрежного отеля – никаких улик, тело полностью обескровлено. По словам местных жителей, это дело рук ведьмы. Ведьмой они считали нашу Риту, Флокса не лгала... Но на следующий день мёртвой нашли и Риту, также при весьма странных обстоятельствах – что-то, связанное с ритуальными знаками, начертанными кровью, пентаграммами и прочей потусторонней чушью. Да ладно вам – все газеты об этом писали! И ещё Флокса говорила о вине – она пила белое, потому что до того пила кровь, которую нельзя смешивать с красным вином – это может вызвать отторжение. Конечно, это была кровь Томаса. И конечно, его убийство произошло в полнолуние. Ещё вопросы есть?

– Зачем она убила Томаса? – спросил Макс. – Ведь он был не нужен даже Рите?

– Вот здесь ты ошибаешься. Рите не нужна была его сила, но сам он был ей, конечно, нужен. Она любила его и хотела быть с ним. А для ведьмы есть единственный способ быть с любимым человеком – отказаться от своей силы. И она бы отказалась, поверьте. Но тогда эта сила не досталась бы Флоксе. И ещё – вас не удивило, что Флокса, уходя, сказала «прощайте», а не своё обычное «увидимся»? Вовсе не потому, что она так сильно изменилась. Просто она действительно не хочет больше видеться ни с кем из нас. Вот и всё.

Крит вылил в костёр так никем и не тронутый чай, махнул на прощанье рукой и растворился в тумане.

– Как же мы этого не поняли? – растерянно протянул женский голос.

– Потому что нам это было не важно, – пожал плечами Макс. И, предваряя следующий закономерный вопрос, добавил: – А Криту было: они встречались когда-то, помните? Потом Флокса уехала, не оставив адреса. И если бы не эта шумиха с её книгой, мы бы никогда не нашли её. Вы видели, как Крит смотрел на неё? Просто он знал, кто она. И верил, что однажды она откажется от своей силы ради него... Жаль его. Хотя, если подумать, и Флоксу тоже безумно жаль...

июнь 2008г

Оборотни среди нас

Всю ночь я ворочалась с боку на бок и не могла заснуть от ужасной мигрени. За окном была гроза – вспышки молний ослепляли, ветер шумел, дождь стучался в окна, а гром грохотал так, словно пытался оглушить всех, до кого только сможет достать. И в придачу к этой невыносимой какофонии звуков добавлялся шум какого-то идиотского телешоу, доносившийся ко мне от соседей: «...будьте осторожны. Оборотни уже среди нас...».

Я накрылась одеялом с головой и закинула сверху две подушки, но это не спасало. Пришлось встать, выпить таблетку «от головы» и включить музыку. Конечно, не на всю громкость, но она заметно приглушала всё творившееся за пределами моей квартиры. Кстати, привычный звук собственного проигрывателя пришлось сделать потише, и это было странно – я всегда слушала его на одной и той же громкости. Впрочем, это могло быть из-за мигрени...

...Оборотни, как бы не так! Неужели кто-то верит в эту чушь? В последнее время оборотни стали волновать слишком многих в нашем городке. Конечно, дыма не бывает без огня, и недавно произошла пара случаев, наводящих на мысль о... впрочем, нет – оборотни мне на ум точно не приходили. Скорее, это были какие-то дикие животные. Конечно, леса в округе нет, зато есть зоопарк, из которого в прошлом году удрали несколько волков, но ведь их всех поймали? Я не так легковерна, как остальные – мне сразу показалось, что «всех» поймали только потому, что надо было успокоить людей, а теперь признаться в обмане не представляется возможности, хотя это было бы полезнее, чем продолжать держать в панике весь город...

...Прошла неделя, прежде чем я привыкла к своему внезапно обострившемуся слуху. Я вдруг стала слышать всё – телевизор соседей, плач ребёнка в доме напротив, шёпот влюблённых подростков под окнами, шелест листьев и мяуканье голодного котёнка. Признаться, сначала это раздражало, но привыкнуть можно к чему угодно. Гораздо болезненней мне далась моя следующая метаморфоза.

Однажды утром запах кофе показался мне слишком резким. Настолько резким, что я вообще не смогла его пить – мой привычный напиток был каким-то чужеродным, совершенно не подходящим для того, чтобы его вообще кто-нибудь пил. Секунду поколебавшись, я вылила кофе в раковину и ограничилась стаканом холодного молока.

Когда я вышла на улицу, я поняла, что к моему обострённому слуху добавилось резко усилившееся обоняние – миллионы разных запахов навалились на меня, словно хотели задушить. Лето и жара усиливали ощущение. До реки мне пришлось ехать в битком набитом автобусе, и это было ужасно – невозможная духота, какой-то особенно загазованный воздух за окном, табачный дым, перегар и совершенно невыносимый запах пота. К этому добавлялся запах съеденной кем-то яичницы, выпитого кофе, кажется, сожранных кем-то жареных семечек, и даже – я сама обалдела от этой мысли – запах чеснока. Я закрыла глаза и старалась как можно реже вдыхать. Меня начинало тошнить. Бог мой, кто же ест по утрам чеснок?!

Благо, посторонние звуки меня больше не донимали – я уже срослась с наушниками своего плеера, – но от запахов деться было некуда, и остаток поездки я провела в раздумьях: почему люди не едят на завтрак свежие лимоны?

У реки было хорошо. Пряный запах нагретых солнцем трав слегка вскружил мне голову. Я сидела на лужайке у самой воды и пыталась вспомнить названия трав – в детстве бабушка учила меня, как они выглядят и пахнут, что лечат... кажется, я не слишком продвинулась в этой науке. Едва осознавая, что я делаю, я протянула руку к высокой серебристо-зелёной травинке с мягким мятным запахом, резким движением сорвала её, сунула в рот и быстро сже-

вала. От её горьковатого вкуса мне почти сразу захотелось пить, а вода была рядом – холодная, прозрачная, манящая утолить жажду. После того, как я наелась растущей на лужайке травы (зато тошнота прошла!), мне уже было всё равно – встав на четвереньки, я прямо из реки сделала пару осторожных глотков, и эта вода показалась мне вкуснее, чем всё, что я пробовала до сих пор.

Потом я просто лежала в высокой траве, закрыв глаза, и наслаждалась её горячим запахом, лёгкими дуновениями прохладного ветерка и журчанием реки. Было безумно хорошо, и совершенно не хотелось возвращаться в город. Идиллию нарушил мой мобильный, звонящий, как обычно, в самое неподходящее время. Я нехотя ответила на звонок – звонила подруга.

– Чего тебе?

– Ну, во-первых, привет.

– Привет.

– У тебя что, настроение плохое?

Я начинала раздражаться.

– Да нормальное у меня настроение, Лана! Что ты хотела?

– Просто узнать, где ты. Мы тут пришли к тебе в гости, хотели поболтать и угостить тебя пирогом. («Избавь меня, боже, от необходимости ещё хоть раз в жизни попробовать её пирог, – подумала я. – Нормальные люди не суют в один пирог столько разных начинок»). А тебя дома нет. У тебя всё в порядке?

– Конечно, у меня всё замечательно. Я просто решила выехать за город. Не представляешь, как хорошо сейчас у реки...

– За город? – голос Ланы прозвучал, по меньшей мере, удивлённо. – Но ты всегда говорила, что любишь «каменные джунгли», и никогда не выезжала с нами на природу! (А ведь она права – на природу меня, мягко говоря, не слишком тянуло. Впрочем, всё когда-нибудь бывает в первый раз...). Ну ладно, природа так природа. По крайней мере, не сиди там допоздна, а то ты знаешь, эти оборотни...

– И ты туда же! Ты же умный человек и должна понимать, что оборотней не существует. Ну хоть один человек их видел?

– Те, кто видел, уже не скажут. Но учёные («Какие учёные?» – чуть не заорала я, но вовремя сдержалась) рассказали, как теоретически люди превращаются в оборотней. Вот послушай...

Я лежала на траве, держа трубку в вытянутой руке – мне и так прекрасно слышно высокий, чуть взволнованный, голос. Отключиться я не могла – и так чувствовала себя виноватой: в последнее время я не слишком много уделяла внимания друзьям. Да и сегодняшний их набег ко мне в гости, кажется, был запланирован ещё две недели назад, просто неудобно было признаваться, что я об этом забыла. Хорошо ещё, что Лане хватало ума и такта не напоминать об этом! Так что пришлось слушать дальше про оборотней.

– ...в общем, они пока не выяснили, как это происходит – возможно, от укуса других оборотней, а возможно, из-за каких-то генетических предрасположенностей... но симптомы во всех случаях одинаковы. Сначала у человека (или это уже не человек, как ты думаешь?) обостряется слух – доходит даже до постоянных головных болей, пока не привыкнет. Ну, это же наполовину волки, а у волков хороший слух. Потом, конечно, нюх – он вообще усиливается до невозможности. Зрение у волков не очень, но у больных людей (или всё-таки не людей?) оно не ухудшается – вряд ли зрение у волков хуже, чем у людей, как ты думаешь?

Я никак не думала. Точнее, такое подробное описание симптомов «больных» меня мало волновало – все мои мысли были заняты теперь исключительно собственными метаморфозами. Так что на все предположения подруги я говорила просто «угу...», но её не обижала такая реакция – Лане было куда важнее высказать собственные мысли вслух.

– ...потом постепенно повышается температура, но самочувствие не ухудшается («Это ты так думаешь!», – хотела крикнуть я, но вовремя сдержалась). А потом, знаешь, наступает полнолуние, и тогда этот человек превращается в волка, кого-нибудь насмерть загрызает, а наутро ничего не помнит! И так каждый раз. Когда луна становится круглой, они выходят на охоту. А потом живут себе дальше, как обычные люди. Только меняются немножко – больше едят мяса, даже если раньше были вегетарианцами, становятся сильнее, ну и чувства, конечно, обострены. А так их отличить почти нельзя, ты представляешь?

Да, я уже представляла...

– ...Ну и вот. У твоих соседей, кстати, уже почти всех кроликов пережрали.

Это начинало утомлять. Хорошо, что и не в меру болтливую Лану тоже.

– В общем, что я хотела сказать. Ты там не сильно задерживайся на своей природе, сегодня полнолуние... Кстати, завтра мы уезжаем на море, на неделю. Если надумаешь с нами, звони...

Она бросила трубку, не дожидаясь моего очередного «угу». Видимо, я всё-таки вела себя по-хамски. Надо будет извиниться...

Так за размышлениями я не заметила, как стемнело и вышла луна – бледная и абсолютно круглая. Пора было идти домой...

...До утра мне не спалось. Ощущение было странное. Я думала о паре соседских кроликов в моём холодильнике, о друзьях, которые всё больше от меня отдалялись, об оборотнях, существование которых мой разум отказывался верить. О том, много ли в городе таких, как я, и можно ли их узнать, случайно столкнувшись с ними на улице. О том, что будет дальше – ну, когда у соседей закончатся кролики. И правда ли, что у людей сладкое мясо...

В общем, будьте осторожнее. Оборотни уже среди вас.

шоль 2010г

Вселенское одиночество

День первый. Знакомство.

Когда я повернулся к ней с зажигалкой, она уже с удовольствием затягивалась тонкой длинной сигаретой с ментолом. Я не успел заметить, чем она прикурила. Было похоже на то, что сигарета сама задымилась в её руках. Чёртова усталость, подумал я, нельзя принимать столько пациентов в один день. Я снял очки и сильно зажмурился.

– Доктор, что-то не так? – спросила она. Странно, но её голос не выражал беспокойства, которого можно было ожидать от девушки.

Извинившись, я встал и подошёл к кофемашине.

– Кофе?

Да, чёрный. И без сахара. Редкая девушка, подумал я. Взяв две чашки, я сел на место, протянул незнакомке её кофе и, стараясь не слишком шуметь, стал медленно размешивать сахар в своей чашке. Не понимаю я людей, которые любят горький кофе. Искренне не понимаю.

Девушка пила кофе жадно, как будто это был не кипяток, и совершенно забыла о сигарете, медленно тлевшей в безвкусной пепельнице в виде рыбки, держащей на спинном плавнике маленькую тарелочку. В моей работе не стоит давить на пациента. Я ждал, пока первой заговорит она, и рассматривал незнакомку сквозь затемнённые стёкла очков. Она не была красавицей в общепринятом смысле этого слова, но была безусловно привлекательна. Одежда вся чёрная, длинные волнистые волосы необычного, почти огненного цвета – я невольно задержался на них взглядом. Видимо, это было не слишком деликатно с моей стороны, потому что она тотчас подняла на меня вопросительный взгляд. Какие у неё удивительные глаза, подумал я – такие, как... как же говорят о таких глазах? Быстро вспомнить точное слово я не смог, а пауза и так уже затянулась... Придётся начинать мне.

– Простите, не расслышал ваше имя...

Она усмехнулась.

– Потому что я не называла его, доктор. Мы можем обойтись без этого?

– Но мне ведь нужно как-то к вам обращаться...

Она вздохнула.

– Давайте договоримся. Если я приду к вам ещё раз, я назову его.

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

– Почему вы обратились ко мне?

– Потому что вы лучший психиатр в этом городе.

С этим трудно было спорить. Собственно говоря, потому у меня и было столько пациентов. Я часто задерживался на работе допоздна.

Впервые за то время, что незнакомка сидела у меня, она вдруг почувствовала себя неудобно:

– Простите, я вас, наверно, задерживаю...

Я пытался возразить, но моя усталость от неё не укрылась.

– Я приду к вам завтра... Вы позволите в это же время?

Подумав, что с утра у меня пациентов нет, и я смогу нормально выспаться, я кивнул.

– Тогда я пойду, – улыбнулась она. Тоже впервые за вечер.

Она встала, и я вдруг заметил, что в её плотно облегающем костюме, напоминающем комбинезон, совсем нет карманов. Сумочки у неё в руках тоже не было. Чем же она прикурила свою сигарету? Я тоже поднялся с кресла, и, вставая, незаметно прикрыл свою лежащую на столе зажигалку и одновременно достал из пачки сигарету. Сделав вид, что я ищу зажигалку

и никак не нахожу, я вопросительно посмотрел на незнакомку, но она лишь пожала плечами. Минуту спустя её в кабинете уже не было, и только горький запах её недопитого кофе напоминал о ней.

Уже когда я засыпал, меня осенило. Я вспомнил слово, безуспешно вертевшееся у меня на языке. Огонь! В её глазах был огонь...

День второй. Смутная догадка.

На следующий день я пришёл в кабинет пораньше, и поскольку все мои пациенты были более или менее в порядке, я сделал несколько звонков и отменил сегодняшние визиты. Открыв ноутбук, я пару часов провёл в сетевом поиске. Факиры, шаманы, заклинатели огня... одна информация меня заинтересовала. Я раньше и не знал, что до Евы и Адама Господь создал по своему образу ещё кого-то...

От дальнейших поисков меня отвлекла она, вчерашняя пациентка. Я посмотрел на часы – она пунктуальна. Чувствуя себя так, словно меня застали на месте преступления, я сделал вид, что занят приготовлением кофе, и молча указал ей на кресло.

В этот раз я даже не спрашивал – сразу приготовил ей горячий чёрный без сахара. Она взяла чашку, едва заметно улыбнувшись.

– Итак, вы пришли снова. Теперь вы скажете своё имя?

– А как бы вам хотелось меня называть? – спросила она как-то буднично, без малейшего намёка на кокетство, вытягивая сигарету из пачки и поднося её к губам. Я смотрел на неё, как загипнотизированный кролик смотрит на удава. Зажигалки рядом не было. Мгновение – и сигарета вспыхнула сама собой. Теперь я это видел ясно.

– Как вы это сделали?

Она вытащила сигарету изо рта, и стряхивая пепел, медленно произнесла:

– Скажем так... у меня особые отношения с огнём.

Это не было ответом на мой вопрос, но я понял, что другого ответа не будет.

– Допустим. Так как мне вас называть?

– Называйте как вам угодно, доктор. От этого ничего не изменится.

– Как вам нравится... (я задумался на секунду, имею ли я право, но тут же отогнал от себя эти мысли). Как вам нравится Лилит?

Мне показалось, что она вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

– Странное имя, – сказала она. – Это фурия?

– Совершенно верно. Фурия, созданная Богом ещё до первых людей. Из огня.

Незнакомка вздохнула:

– Как вам угодно, доктор. Это имя ничем не лучше и не хуже других.

...Мы пили уже по третьей чашке кофе. Время шло. Я молча смотрел на неё и думал: удивительно – как и вчера, мы провели два часа, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами, и я так и не понял, что ей от меня нужно.

Впрочем, она всё-таки пришла во второй раз – значит, пока всё в порядке... В моей работе нельзя недооценивать силу молчания, поэтому я не торопил незнакомку и молча пил свой кофе, не спрашивая ни о чём.

Прошло ещё полчаса до того, как она поднялась.

– Мне пора, доктор. С вашего позволения я приду к вам завтра.

– Заходите, конечно, – я сказал это, наверно, слишком быстро. С завтрашнего дня у меня начинался отпуск, но я не мог отказать Лилит. Да и случай у неё был, похоже, интересный... а может быть, я просто медленно проникался её женскими чарами – но эту мысль я гнал от себя сразу.

Попрощавшись, она повернулась и пошла, чуть покачивая бёдрами. Уже в дверях она оглянулась и спросила:

– Как вы думаете, доктор – Лилит была одинока?

Незнакомка ушла, не дожидаясь ответа, а я всё сидел и думал: бывают ли фурии одиноки?

Заснул я уже на рассвете, причём в собственном кабинете за столом. Мне снились смешные мультяшные фурии. Или гарпии. Или, может быть, гаргульи. Я не знал, чем они все отличаются друг от друга.

День третий. Вселенское одиночество.

На следующий день всё повторилось. Лилит пришла в назначенный час. Я старался выглядеть бодро, но усталость давала о себе знать, я ведь почти не спал.

Кажется, это не укрылось от её пристального взгляда.

– Сидите, – сказала девушка. – Я сама сделаю кофе.

Сделав первый глоток, я удивился: она не спрашивала, сколько сахара мне положить, но рассчитала всё точно – хотя «одна и три четверти чайные ложки» угадать было непросто. Неужели она и мысли читает?

Смутившись, Лилит потупила взгляд, и я увидел на её щеках едва заметный румянец:

– Есть немного, – извиняющимся тоном произнесла она. Я чуть не захлебнулся от неожиданности и возмущения, но она продолжила: – Вам нечего бояться, доктор. Мне уже много лет это не интересно. Серьёзно. Я читаю мысли только о том, что мне и так бы сказали. В некотором роде, из экономии времени.

Я спросил себя, удивляет ли меня эта девушка каждым своим словом и действием, или я уже перестал удивляться чему-либо, но не нашёл ответа. Время шло слишком быстро.

– Вы вчера спросили, была ли одинока Лилит. Сами-то вы как думаете?

– Я думаю, она была очень одинока. Это было ужасное, вселенское одиночество. Просто подумайте: ведь Бог создал, как потом выяснилось, всех тварей по паре, и только Лилит была одна. И так длилось достаточно долго... Через сотни лет одиночества фурии Господь, словно вспомнив что-то, создал Адама и Еву. Из глины.

Она замолчала и встала, чтобы налить ещё по чашке кофе нам обоим. Я вдруг подумал, что Лилит в какой-то момент стала говорить так, словно она говорила о себе. Словно она и была той самой, допотопной фурией. Уровень эмпатии к существу, которое ещё неизвестно, существовало ли вообще, был невероятно высок. Считала ли она сама себя этой одинокой фурией? Этот вопрос я задавать не стал – она могла перестать говорить, и тогда любое лечение было бесполезно.

– Почему из глины? – спросил я.

Лилит пожалала плечами.

– Из воздуха – пустоты, эфира, как хотите – Бог сделал всё остальное. Из огня была сделана я, – спокойно сказала она так, словно ей больше нечего было скрывать. – Из земли Он потом создал людей.

Я вдруг вспомнил о четырёх китайских стихиях.

– А из воды?

Она пожала плечами:

– А разве можно сделать что-то из воды?

Где-то я это уже слышал...

Какое-то время мы ещё посидели молча. Я думал о том, что сказала Лилит об одиночестве. От самого словосочетания «вселенское одиночество» веяло жутким холодом – по моей спине пробегали мурашки. Фурия (я и сам не заметил, когда стал думать о ней «фурия») взглянула на меня и, наверное, поняла, какое тягостное впечатление произвели на меня её слова, потому что продолжать не стала.

– С вас, наверное, на сегодня хватит, док, – Лилит попыталась изобразить улыбку. – Пожалуй, я пойду. До завтра, – сказала она уже в дверях и шагнула за порог. Я вдруг спохватился, что уже далеко за полночь, и хотел предложить фурии проводить её до дома (есть ли у фурии дом? боится ли она чего-либо по пути домой?), но когда я выбежал за дверь, её уже и след простыл...

До утра я уже не спал. Смотрел в ночное небо и пил кофе.

День четвёртый. Кофейное наваждение.

Первое, что я сделал утром, – сходил в магазин за новой пачкой кофе, поскольку вчера выпил (или, вернее сказать, мы вместе с фурией выпили) мой недельный запас чудесного напитка... До вечера закончилась и эта пачка. Наверное, со стороны я был похож на больного, но моё сердце билось абсолютно спокойно и ровно – никакой аритмии и скачков давления не было и в помине. Моя бывшая жена убила бы меня за такое количество выпитого кофе, несмотря на все мои доводы и отсутствие нехороших симптомов.

Допив последнюю чашку кофе, я задумался, успею ли ещё раз сгонять в магазин до прихода Лилит – и тут же вздрогнул: она уже стояла передо мной. С большой пачкой кофе в руках.

Я хмыкнул, решив, что меня уже ничем не удивить. Ничем, дорогая моя фурия. Что бы ты ни сказала, что бы ты ни сделала, я... Как потом оказалось, я думал так напрасно, потому что чашка кофе из её рук – последнее, что я чётко запомнил из событий того дня.

Остальное осознавалось смутно – как сон, как бред, как позапрошлые воспоминания, как детские грёзы. Мне снилось, что я был первый человек на земле – тот самый, которого Господь создал из воды ещё до Адама и Евы. До фурии. И Лилит была моей женой...

В том сне я был счастлив так, что, будь моя воля, я бы больше не просыпался никогда.

День пятый. Самая длинная ночь на земле.

На следующий день я, конечно, проснулся. Но только не днём, а поздним вечером. Ровно за полчаса до того времени, в которое обычно приходила она.

Через полчаса я уже сидел за своим столом, свежий и умытый. Передо мной на столе стояли две чашки нашего привычного кофе.

Двадцать минут спустя я пил уже остывший кофе из своей чашки, поймав себя на мысли, что пью его без сахара, как любит Лилит.

Её чашка осталась нетронутой. Ещё через сорок минут мне стало казаться, что она уже не придёт.

И только спустя ещё два бесконечно долгих часа, когда наступила глубокая ночь, я убедился в этом окончательно.

Я сидел и осторожно пил кофе маленькими глоточками по чашке в час.

В два часа ночи я осознал, что прекрасно понимаю людей, которые любят чёрный кофе без сахара. В три часа я подумал, что теперь я сам вхожу в число этих непонятных для меня прежде людей.

А уже перед самым рассветом я понял, что имела в виду Лилит, когда говорила о все-ленском одиночестве...

День шестой. Катарсис.

Весь следующий день я думал только о ней. Представлял себе её стройную гибкую фигуру, её огненные волосы. Видел её удивительные глаза, слышал спокойный, уверенный голос. Вспоминал её слова... Помнил каждое слово, сказанное ею.

Я уже несколько не сомневался в том, что она говорила правду, и эта правда больше не пугала меня – я готов был принять мою фурию такой, какая она есть...

Мои фантазии безудержно неслись вперёд, и остановиться я не мог – в моих мыслях фурия уже шла ко мне. Подходила ближе и ближе – её мягкие плавные движения заворажили меня. Я ещё пытался тормозить себя, слабо сопротивляясь собственному воображению, напоминая самому себе о том, что она – моя пациентка, что я не могу, я не должен... но я уже слышал её лёгкое дыхание, видел её расширяющиеся зрачки... её нежные губы приоткрылись – она уже наклонялась ко мне, и я закрыл глаза, чувствуя дрожь во всём своём теле... Я уже не знал, где сон, где фантазии, где реальность – все мои мысли перемешались, и я, кажется, перестал себя контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.